

Из истории открытия Ипатьевской летописи

Александр Майоров

From the history of the discovery of the Ipatiev Chronicle

Alexandr Maiorov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

В трудах по истории рукописного собрания Библиотеки Российской Академии наук отмечается, что первые сведения об Ипатьевской летописи относятся к 1767 г. (письмо С.С. Башилова к А.Л. Шлёцеру), однако время и обстоятельства поступления рукописи в библиотеку неизвестны¹. По мнению С.П. Луппова, дата приобретения летописи может быть определена лишь приблизительно: 1765–1767 гг.² В новейшей «Летописи Библиотеки Академии наук» читаем: «Ипатьевская летопись поступила в библиотеку после отъезда Шлёцера из Петербурга, т.е. после 15 июня 1765 г.»³. Приведённые сведения требуют пересмотра и уточнений.

Как следует из владельческих записей, сохранившихся на лицевой стороне первого листа кодекса, в древности он принадлежал костромскому Ипатьевскому монастырю: «Летописецъ Киевской. Книга Ипацкаго монастыря слуги Тихана сына Мижуева» (далее неразборчиво); «Летописецъ Ипатцкаго монастыря слуги Тихана Мижуева»; «Книга Ипатцкова старца Тарасия». На обороте первого листа сделана ещё одна запись: «Книга Ипатцкаго монастыря летописецъ о княжении». По почерку и языку эти записи обычно датируют XVII в. Также принято считать, что имя Тарасий мог получить сам Тихон Мижуев после пострижения⁴. Ниже президент Академии наук С.С. Уваров приписал «Книга сия, именуемая летописецъ киевский, Книга Ипацкаго монастыря слуги Тихона Мижуева, принадлежит Библиотеке Императорской Академии

© 2017 г. А.В. Майоров

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-18-10137.

¹ Петров В.А. История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в. // Исторический очерк и описание фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1: XVIII век / Отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1956. С. 234; Лихачёва О.П. Ипатьевская летопись // Книжные сокровища: К 275-летию Библиотеки АН СССР / Отв. ред. Л.И. Киселёва и Н.П. Копанева. Л., 1990. С. 11.

² Луппов С.П. Библиотека Академии наук в 1766–1800 гг. // История Библиотеки Академии наук СССР: 1714–1964 гг. / Отв. ред. М.С. Филиппов. М.; Л., 1964. С. 141.

³ Летопись Библиотеки Российской Академии наук. Т. I: 1714–1900 / Науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.В. Колпакова; отв. сост. Г.В. Головкин. СПб., 2004. С. 146.

⁴ См.: Бердников Я.И. Предисловие // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. V; Палаузов С.Н. Предисловие // Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. IV; Шахматов А.А. Предисловие // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. С. VI; Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. I. Рукописи. Т. 3. Вып. 1: (VI. История) / Сост. В.И. Срезневский и Ф.И. Покровский. Л., 1930. С. 77; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 1: Хронографы, летописи, степенные, родословные разрядные книги / Сост. В.Ф. Покровская, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, М.Н. Мурзакова (далее – ОРО). М.; Л., 1959. С. 303; Клосс Б.М. Предисловие к изданию 1998 г. // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. С. F.

наук, и в каталоге вновь сделанном (далее неразборчиво) и в 1818 году напечатанном занесена под № 6а. Президент Сергей Уваров». Затем следует автограф П.И. Соколова: «Унтер-Библиотекарь Статский Советник Пётр Соколов».

Ещё одну запись, сделанную почерком XVII в., находим на обороте верхней доски переплета: «Сия книга Ипацкого монастыря Тихона Андреева(?)». Последние слова в этой записи ныне практически не читаются. Полностью её прочитал только Я.И. Беренников в 1843 г.: «Сия книга Ипатцкого монастыря слуги Тихана Ондреева сына Мижуева». Ниже почерком XIX в. записано: «Из библиотеки С.-Петербургской Академии наук».

И.В. Рогов и С.А. Уткин отождествляют упомянутого в записи Тихона Мижуева с потомственным монастырским слугой Тихоном Андреевичем Мижуевым, жившим во второй половине XVII в.: «Его отец Андрей Гаврилович Мижуев сам был монастырским служкой и проживал, по данным писцовой книги Костромы 1628 года в подмонастырской Богословской слободе»⁵. О некоторых представителях рода Мижуевых сохранились сведения во вкладной книге Ипатьевского монастыря 1728 г. Здесь упоминается и сам Тихон Мижуев, делавший вклады в 1645 г., за что «ево приняли в служки», и в 1663 г. «по родителех своих, для вечнаго поминовения; десять рублей, и написаны в сенадики»⁶. «Таким образом, — делают вывод исследователи, — предположение о тождестве Тихона Мижуева и старца Тарасия не лишено оснований, особенно если учесть, что первая буква имён Тихон и Тарасий совпадают»⁷.

Однако по имеющимся у нас данным в составе монастырского книжного собрания летопись оказалась значительно раньше — ещё в конце XVI в. В древнейшей известной ныне переписной книге Ипатьевского монастыря, составленной 11 апреля 1595 г. «по приказу строителя старца Гурья» (Гурий Ступишин — фактический глава монастыря в период строительства каменных укреплений, 1586 — конец 1590-х гг.⁸), среди книг, хранившихся в ризнице Свято-Троицкого собора («книг въ Троице Живоначальной»), значится: «Книга Летописецъ Русской въ дестъ на бумаге»⁹. Едва ли можно думать, что в опись попала какая-то другая, ныне неизвестная летопись, поскольку нет сведений о каких-либо ещё русских летописях, хранившихся в Ипатьевском монастыре в XVI—XVIII вв. Кроме того, отмеченное в описи название книги соответствует заголовку, читающемуся на лицевой стороне третьего листа (по нынешней фолиации) — «Летописец Руский».

В фондах Костромского музея хранится ещё один интересный для нас артефакт — надгробная плита со старого монастырского кладбища с надписью: «Лета 7100 преставися раб Божий инок Тарасий»¹⁰. Дата смерти

⁵ Рогов И.В., Уткин С.А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М., 2003. С. 91; Государственный архив Костромской области (далее — ГА КО), ф. 558, оп. 2, д. 133, л. 682; Писцовая книга города Костромы 1627/28—1629/30 гг. / Археограф. подгот. Л.А. Ковалёвой; сост.: Л.А. Ковалёва, О.Ю. Кивокурцева. Кострома, 2004. С. 329.

⁶ Костромской государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее — КГОИАХМЗ), КОК 24010/91, л. 43 об., 70.

⁷ Рогов И.В., Уткин С.А. Указ. соч. С. 91; Костромские монахи-книжники XIV—XX вв.: библиографический словарь / Авт.-сост. О.В. Горохова, П.П. Резепин. СПб., 2015. С. 694—695.

⁸ Кудряшов Е.В. Архитектурные памятники Ипатьевского монастыря XVI—XVII вв. // Краеведческие записки Костромского музея-заповедника. Вып. 1. Ярославль, 1973. С. 65—66.

⁹ Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года / Сообщил М.И. Соколов // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1890. Кн. 3. Отд. 1. С. 33.

¹⁰ КГОИАХМЗ, вх. 560, 1169/6.

Тарасия — 1592 г. — более согласуется с датой первого упоминания летописи в описях монастырских имуществ. Поэтому нельзя исключать возможность отождествления первого владельца книги с иноком Тарасием, жившим во второй половине XVI в.¹¹

Вплоть до середины XVIII в. летопись, по всей видимости, находилась в Ипатьевском монастыре, о чём можно судить по сохранившимся письменным свидетельствам. Впрочем, сведения на этот счёт носят несколько противоречивый характер. По данным Е.В. Сапрыгиной, «пребывание раритета в монастырской библиотеке подтверждается описями имуществ 1642 и 1682 годов. Там она (книга. — А.М.) оставалась до второй половины XVIII столетия, что доказывается монастырской описью 1764 года, где Ипатьевская летопись значится как “Летописец Киевский о княжении”»¹².

В архивохранилищах Костромы не удалось найти подтверждения этим сведениям. В сохранившихся (полностью или частично) после пожара 1982 г. в Государственном архиве Костромской области описях Ипатьевского монастыря и, в частности, хранившихся в нём исторических документов (жалованных грамот, купчих крепостей, выписей из писцовых книг и др.), произведённых в 1610, не ранее 1750, в 1755 и не ранее 1763 г., сведения о летописи отсутствуют¹³.

Последним по времени создания из дошедших до нас документов, подтверждающих пребывание летописи в монастыре, можно считать опись 1736 г. («Книги описные Троицкому Ипатскому, обретающемуся при Костроме, монастырю»), созданную при одном из последних архимандритов Пимене (Савёлове), очевидно, в связи с подготовкой к образованию Костромской епархии (1744 г.), ныне хранящуюся в музее Костромской епархии. Среди прочих монастырских книг здесь значится «Летописец Киевской о княжении двоестрочная в десть». Книга упоминается среди «Книг Писмянных» (т.е. рукописных), хранившихся вместе с печатными в монастырской «книгохранительной»¹⁴.

Закрепившееся за летописью в Ипатьевском монастыре название — «Летописец Киевский» — не было первоначальным и появилось только в первой половине XVII в. Заглавной записи, сделанной на лицевой стороне первого листа кодекса («Летописец Киевской») соответствует запись в описи церковных книг Ипатьевского монастыря, составленной в мае 1639 г.: «Книга Летописец Киевской о княжении. Писмянной двоестрочной в десть»¹⁵. Первоначально (что подтверждается и цитированной выше описью 1595 г.) книга должна была называться иначе — «Летописец Русский» (в соответствии с древним самоназванием произведения). Кодекс переименован, по-видимому, в связи

¹¹ См.: *Резепин П.П.* Костромской некрополь. Ипатьевский монастырь // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Гуманитарные науки: Энтелехия. 2011. № 24. С. 122–123.

¹² *Сапрыгина Е.В.* Стражи времени. Кострома, 2005. С. 378.

¹³ ГА КО, ф. 712, оп. 2, д. 17 (Опись Ипатьевского монастыря. Оригинал); оп. 5, д. 2 (Опись жалованных, данных, меновых, разбезджих, сотных грамот, купчих крепостей, выписей из дозорных и писцовых книг, хранившихся в Ипатьевском монастыре); д. 4 (Опись имущества Ипатьевского монастыря. Фрагмент); д. 5 (Опись жалованных, данных, послушных, разбезджих, сотных грамот, выписей из писцовых книг, хранившихся в Ипатьевском монастыре).

¹⁴ Центральный историко-археологический музей Костромской епархии, НВ-ВХ 92, КМЗ, вх. 119, л. 71 об. Ранее рукопись находилась в фондах КГОИАХМЗ. Благодарю С.Г. Виноградову за предоставленные сведения об этом документе.

¹⁵ ГА КО, ф. 712, оп. 2, д. 132, кор. 25, л. 13.

с проведением в монастыре книжной описи в 1639 г., вероятно, тогда же на чистой стороне первого листа появился и новый заголовок.

Неясным и слабо изученным остаётся вопрос о происхождении кодекса. Исследователи давно обратили внимание на характерные языковые явления (смещение букв «ц» и «ч», а также «у» и «в», «и» и «ять»; во многих случаях неправильное употребление букв «ч» и «ц» впоследствии исправлено в рукописи), свойственные переписчикам. Ещё в 1908 г. А.А. Шахматов отметил, что «Ипатьевский список сделан в одной из севернорусских областей»¹⁶, уточнив позднее, что рукопись «писана... по всей видимости, в Пскове с южнорусского оригинала»¹⁷. Севернорусское происхождение Ипатьевского кодекса вслед за Шахматовым признавали многие другие исследователи: летопись могла быть переписана во Пскове или — шире — в северо-западных землях Руси в первой четверти XV в.¹⁸ Современные лингвисты также отмечают в Ипатьевском списке «многочисленные новгородизмы», «показательные» псковские и западно-русские диалектизмы¹⁹.

Новейшие исследования в области текстологии и хронологии Ипатьевской летописи, как кажется, подтверждают и уточняют сделанный ранее вывод. Установлено, что хронология изначально недатированных известий Галицко-Волынской летописи в Ипатьевском списке, скорее всего, была создана новгородским редактором, работавшим в конце 1410 — первой половине 1420-х гг. и опиравшимся на хронологию предполагаемого свода 1418 г. — общего протографа летописей новгородско-софийской группы (Новгородская Карамзинская, Софийская первая и Новгородская четвёртая летописи)²⁰. Ипатьевский кодекс создавался либо вскоре после свода 1418 г., либо практически одновременно с ним. Это обстоятельство объясняет текстуальные заимствования из Галицко-Волынской летописи, обнаруживающиеся в летописях новгородско-софийской группы²¹.

Если Ипатьевский кодекс действительно был переписан в Новгороде, то возможность его перемещения в Кострому может быть подтверждена известными фактами новгородской истории конца XV в. После присоединения Новгорода к Москве новгородское боярство, часть духовенства и верхушка посадского населения («житыи люди») подверглись массовым репрессиям. В частности,

¹⁶ Шахматов А.А. Предисловие. С. VIII.

¹⁷ Шахматов А.А. Несколько замечаний об языке псковских памятников XIV—XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 22. 1909. № 7. Июль. С. 114, 117—119; Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916. С. LIII.

¹⁸ Орлов А.С. О Галицко-Волынском летописании // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 15; Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 431; Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 227; Клосс Б.М. Указ. соч. С. 6.

¹⁹ Крысько В.Б. Заметки о древненовгородском диалекте (II. Varia) // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 20, примеч. 6; Шевелева М.Н. Вторичные имперфективы с суффиксом -ыва-/-ива- в летописях XII—XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2(20). С. 206.

²⁰ Романова А.А. О хронологии Галицко-Волынской летописи по Ипатьевскому списку // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 11—13 ноября 1997 г. / Сост. В.Ф. Андреев. Новгород, 1997. С. 66—70; Романова А.А. Ипатьевская летопись и Новгородско-Софийский свод // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Сборник в честь В.К. Зиборова. СПб., 1997. С. 59—66. О своде 1418 г. (свод митрополита Фотия) см.: Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 128—160.

²¹ См.: Толочко А.П. О хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи // Palaeoslavica. 2005. Т. 13. № 1. С. 81—108.

значительное число новгородских жителей вместе с семьями насильственно переселялись в другие области Русского государства, в том числе в Кострому и Костромской уезд²². По подсчётам Ю.Г. Алексеева, при Иване III с новгородских земель было выведено более 1 100 владельцев, среди них около 540 богатых вотчинников²³. В числе выселенцев могли оказаться и новгородские землевладельцы Мижуевы. Во всяком случае, некоторые представители этой фамилии известны по упоминаниям в Переписной оброчной книге Деревской пятины (ок. 1495 г.)²⁴. Созданный, вероятно всего, в Новгороде Ипатьевский кодекс мог быть перемещён в Кострому в конце XV в. вместе со своими первыми владельцами, а столетие спустя оказался в Ипатьевском монастыре, где оставался до середины XVIII в.

В мае—июне 1767 г. состоялось одно из больших путешествий по России Екатерины II — «Волжский вояж», начавшийся в Твери и закончившийся в Симбирске. На флотилии из 12 больших пассажирских и транспортных судов императрица посетила несколько десятков прибрежных городов и селений, монастырей и достопримечательных мест²⁵. 14 мая флотилия прибыла к Ипатьевскому монастырю. Большую часть следующего дня Екатерина провела в обители. По случаю её приезда в северном прясле крепостной стены были устроены специальные ворота, ставшие основным входом в монастырь. Государыню встречал епископ Костромской и Галичский Дамаскин (Аскаронский) в сопровождении духовенства, генералитета и депутатов от дворянства губернии. В Троицком соборе монастыря Екатерина участвовала в торжественной литургии, после чего посетила келью архиерея. В честь государыни дали торжественный обед. Покидая обитель, императрица пожаловала в распоряжение епископа 3 тыс. руб.²⁶

Несомненно, одной из целей поездки императрицы было собирание древних летописей, хранившихся в поволжских монастырях. С юных лет Екатерина испытывала интерес к изучению истории, который с годами только возрастал. Уже во время коронационных торжеств в Москве в сентябре 1762 г. она посетила Троице-Сергиев монастырь и заказала копию с хранившегося в его библиотеке сборника исторического содержания, большую часть которого занимает «История» Авраамия Палицына²⁷. За несколько десятилетий активных занятий русской историей в личной библиотеке императрицы было собрано около 150 рукописей, главным образом списков с древних летописей²⁸. О сво-

²² Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 79; Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 17; Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 417; Борисов Н.С. Иван III. М., 2006. С. 290—291.

²³ Алексеев Ю.Г. На службе России. Боярин Яков Захарыч // Дом Романовых в истории России / Отв. ред. И.Я. Фроянов. СПб., 1995. С. 58.

²⁴ Новгородские писцовые книги. Т. 1. СПб., 1859. Стб. 114. Нельзя исключать, однако, что эти Мижуевы были служилыми людьми великого князя, переселёнными в Новгород в конце XV в.

²⁵ Бильбасов В.А. Походы Екатерины II по Волге и Днепру (1767—1787 гг.) // Русская старина. 1896. Т. 86. С. 423—445; Ибнеева Г.В. Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 году: узнавание империи // Ab imperio. 2000. № 2. С. 87—104.

²⁶ Козловский А. Взгляд на историю Костромы. М., 1840. С. 109, 174—175, примеч. 104; Вознесенский Е.П. Воспоминания о путешествиях высочайших особ, благополучно царствующего императорского дома Романовых, в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетиях. Кострома, 1859. С. 31—35; Островский П.Ф. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870. С. 56—57.

²⁷ ОР РНБ, ф. 885, д. 370.

²⁸ Альшиц Д.Н. Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVII вв. Описание. М., 1968.

ей необыкновенной страсти к чтению русских летописей Екатерина II признавалась в письме от 9 мая 1792 г. к барону Ф.М. Гримму, немецкому писателю и дипломату: «Ничего не читаю, кроме того, что имеет отношение к истории России тринадцатого века. Сотня старых летописей составляет мою переносную библиотеку; приятно рыться в старом хламе»²⁹. Древние летописи и исторические документы императрица разыскивала не только в монастырях, но и в собраниях частных лиц. Вскоре после возвращения из путешествия по Волге 27 октября 1767 г. Екатерина писала сенатору кн. П.Н. Трубецкому: «Уведомилась я, что в библиотеке покойного отца Вашего есть старинной журнал царя Ивана Васильевича и Разрядная книга. И если оное правда, то я весьма желаю их видеть и велеть списать для себя. Отыщите и пришлите их ко мне»³⁰.

В поездке по Волге Екатерину II сопровождал гр. В.Г. Орлов, в 1766–1774 гг. занимавший пост директора Академии наук³¹. Орлов, похоже, был единственным из участников путешествия, кто подробно описал его в своём дневнике, впервые опубликованном в 1878 г. Из дневниковых записей Орлова можно заключить, что его участие в путешествии по Волге было связано в том числе с собирательскими интересами императрицы. В отыскании древних летописей, по-видимому, состояло особое поручение, отданное государыней директору Академии наук. Орлов лично вёл переговоры с местными архиереями, встречавшими Екатерину, и добивался от них согласия разыскивать и пересылать в Петербург древние летописи и другие важные исторические документы. 13 мая 1767 г. Орлов отметил, что в последний день пребывания в Ярославле вместе с архиерейским регистратором Волковым он посетил епископа Ростовского и Ярославского Афанасия (Волховского). Цель посещения очевидна из его результатов: «Архиерей посулил мне, также и регистратор Волков, прислать, сколько он может собрать, летописцев в своей епархии, — это стоит, чтоб написать»³².

Екатерина II и сама отдавала распоряжения разыскивать и доставлять в столицу древние летописи. Подобное приказание получил, в частности, епископ Нижегородский и Алатырский Феофан (Чарнуцкий), о чём свидетельствует запись от 20 мая в дневнике Орлова: «Государыня приказала архиерею собрать сколько можно известия и летописцев, которых здесь найти можно и переслать в Петербург»³³. Наибольший интерес представляет запись, сделанная 15 мая — в день посещения Ипатьевского монастыря. После торжественного приёма резиденцию епископа Костромского и Галичского Дамаскина посетили В.Г. Орлов и Г.В. Козицкий (адъюнкт Петербургской Академии наук, литератор и переводчик, в 1765–1775 гг. личный секретарь Екатерины II)³⁴,

²⁹ «Au reste, je ne lis rien du tout, à moins que cela ne soit du treizième siècle et n'ait rapport à l'histoire de Russie. Une centaine de vieilles chroniques font ma bibliothèque portative; c'est un plaisir que de s'enfouir dans ces vieux fatras» (Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) / Сборник Русского восточного общества. Т. 23. СПб., 1878. № 211. С. 566).

³⁰ Цит. по: *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 82.

³¹ *Кубасов И.* Орлов, граф Владимир Григорьевич // *Русский биографический словарь*. Т. 12. СПб., 1905. С. 346–347.

³² *Орлов-Денисов В.* Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. Т. 1. СПб., 1878. С. 33; *Биографический очерк графа В.Г. Орлова* // *Русский архив*. 1908. № 7. С. 320.

³³ *Орлов-Денисов В.* Указ. соч. С. 39. См. также: *Биографический очерк...* С. 324.

³⁴ *Степанов В.П.* Козицкий Григорий Васильевич // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. СПб., 1999. С. 93–98.

достигшие полного взаимопонимания с владыкой: «Я ходил к архиерею сам с Козицким, и он (епископ Дамаскин. — *А.М.*) мне посулил, сколько найдёт летописцев прислать ко мне; он человек изрядный, только малосведущ кажется»³⁵. Соблазнительно предположить, что Ипатьевская летопись могла быть доставлена в Академию наук вследствие распоряжений, сделанных Екатериной II и гр. В.Г. Орловым во время поездки по Волге.

Плавание императрицы закончилось в Симбирске: 8 июня на лошадях она выехала из города и 16 июня прибыла в Москву. Из дневника Орлова следует, что ещё 6 июня он покинул свиту императрицы, чтобы следовать далее на юг. Водным путём и на лошадях Орлов через Сызрань и Саратов добрался до Астрахани. В этом путешествии его среди прочих сопровождал Козицкий, чьё имя упоминается в записях от 18 июня и 2 июля. 13 июля Орлов и бывшие с ним лица вернулись в Москву³⁶. 31 июня в Москве начала работу созданная по инициативе Екатерины II Уложенная комиссия. В июле—августе государыня и её двор находились в Москве. В это время сюда, по всей видимости, были доставлены затребованные в Ярославле, Костроме и Нижнем Новгороде «летописцы». Подтверждение сказанному находим в материалах переписки Орлова.

В фонде Орловых-Давыдовых в РГБ сохранилась тетрадь с черновиками писем, продиктованных В.Г. Орловым своему секретарю в 1767—1769 гг. 9 августа 1767 г. было составлено письмо епископу Ярославскому Афанасию: «За присланные рукописные книги нижайше благодарствую и прошу впредь какие найдутся пересылать, так как Вы мне уже и обещали в бытность мою в Ярославле»³⁷. Около того же времени Орлов писал астраханскому архиерею: «За присланные известия о истории нижайше благодарствую. Ежели что впредь случится что-нибудь достойное примечания, то прошу оное в оригинале сообщить»³⁸.

В сохранившихся документах Орлова и Козицкого не удалось отыскать подтверждения присылки костромским епископом Ипатьевской летописи в Москву или Петербург. Тем не менее в нашем распоряжении есть свидетельства, что первым получателем её стал именно Козицкий, который, вероятно, на правах секретаря императрицы распорядился отослать рукопись директору Академии наук. Это произошло в период между 13 июля и 20 августа 1767 г.

Как известно, А.Л. Шлёцер навсегда покинул Россию в сентябре 1767 г. Получив очередной отпуск для поездки в Германию, учёный собрал всё имущество, включая древние рукописи и многочисленные выписки из русских летописей. Он переехал в Гёттинген, где со временем принял университетскую кафедру³⁹. Как сообщает сын Шлёцера Христиан в составленной им биографии отца, тот отправился в путь уже 1 сентября⁴⁰. Выходит, что Ипатьевский кодекс должен был поступить в Академию наук после 1 сентября 1767 г. Однако из письма С.С. Башилова от 16(27) декабря того же года следует, что рукопись

³⁵ Орлов-Денисов В. Указ. соч. С. 36. См. также: Биографический очерк... С. 322.

³⁶ Орлов-Денисов В. Указ. соч. С. 47, 58, 69, 76.

³⁷ ОР РГБ, ф. 219, к. 7, д. 6, л. 31 об.

³⁸ Там же, л. 32 об.

³⁹ Андреев А.Ю. А.Л. Шлёцер и русско-немецкие университетские связи во второй половине XVIII — начале XIX в. // История и историки. 2004 год. М., 2005. С. 143; Peters M. August Ludwig (von) Schlözer (1735—1809) // Europa-Historiker: Ein biographisches Handbuch / Hrsg. H. Duchhardt, M. Morawiec, W. Schmale, W. Schulze. Bd. 1. Göttingen, 2006. S. 87.

⁴⁰ Schlözer Ch., von. August Ludwig von Schlözers öffentliches und Privatleben aus Originalurkunden. Bd. 1. Leipzig, 1828. S. 115.

попала в распоряжении Академии ещё до отъезда Шлёцера: во всяком случае, Башилов полагал, что Шлёцер успел познакомиться с кодексом («я думал, что Вы его видели»)⁴¹. В фонде Академической комиссии Архива Академии наук в Санкт-Петербурге сохранился документ, позволяющий установить точную дату поступления Ипатьевской летописи в Академию наук.

В канцелярской копии резолюции Академической комиссии от 20 августа 1767 г. говорится о доставке рукописи из Москвы, а также о распоряжении директора Академии наук гр. В.Г. Орлова о передаче её переводчикам Поленову и Башилову для снятия точной копии: «Его сиятельство граф Володимер Григорьевич Орлов предоставил присланные к нему из Москвы при письме от г-на коллежского советника Козицкого три древния летописца: два списанные, один вчетверну, другой в поллиста, а 3 в переплете — Киевской летописец древняго письма, и приказал Его Сиятельство оный летописец отдать переписать переводчику Поленову, и потом в сходстве оного сличать с переводчиком Башиловым. Каким же образом тот летописец списывать, то для того отдать им, Поленову и Башилову, упомянутое письмо в оригинале при копии с сей резолюции, как же оный списан будет, то взнести в комиссию оба. Прочие два отдать в библиотеку»⁴². Как следует из документа, в августе 1767 г. Академия наук получила три новых списка русских летописей. Два из них представляли собой копии с древних оригиналов, снятые, вероятно, специально для Академии. Идентифицировать эти списки с известными ныне рукописями в собрании Библиотеки Академии наук пока не удалось.

Идентификация третьей рукописи не вызывает сомнений. Древним списком Киевской летописи, доставленным в Академию наук в 1767 г., мог быть только нынешний Ипатьевский список Ипатьевской летописи. Его указанный в резолюции Академической комиссии заголовок читается на лицевой стороне первого листа рукописи: «Летописецъ Киевской». Этот же заголовок, как мы увидим ниже, указан Башиловым в описании рукописи, составленном для Шлёцера. Факт передачи рукописи 20 августа 1767 г. в распоряжение Поленова и Башилова для снятия копии подтверждается письмами последнего от 12 сентября и 16 декабря того же года к Шлёцеру.

Из резолюции Академической комиссии также следует, что Ипатьевский список был прислан в Академию из Москвы с сопроводительным письмом коллежского советника Козицкого, в котором, по-видимому, содержались инструкции или какие-то специальные пояснения в отношении надлежащего копирования древнего оригинала, что потребовало передачи подлинника этого письма назначенным комиссией переписчикам.

Упомянутым в резолюции отправителем летописей из Москвы мог быть только Г.В. Козицкий. Среди его многочисленных интересов было изучение древнерусской истории и русских летописей. Вместе с И.Е. Глебовским он подготовил к изданию «Древний летописец» (СПб., 1774—1775. Ч. 1—2). Издание воспроизводит летописный текст (без рисунков) Остермановского тома «Лицевого свода» из собрания Библиотеки Академии наук⁴³.

Одним из первых к изучению рукописи приступил Семён Сергеевич Башилов (1741—1770), выпускник Московского университета, в 1765—1769 гг.

⁴¹ [Каченовский М.Т.] Письма Башилова к Шлёцеру // Вестник Европы. 1812. Ч. 61. С. 318.

⁴² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее — СПбФ АРАН), ф. 3, оп. 1, д. 307, л. 147—147 об.

⁴³ ОР БАН, Основное собрание, 31.7.30.

занимавший должность переводчика Академии наук. Под руководством Шлёцера Башилов участвовал в издании первых двух частей Никоновской летописи (СПб., 1767–1768), а также подготовил к изданию Судебник Ивана Грозного, Законы Юстиниана, Указы и Таможенный устав Ивана Грозного (СПб., 1768)⁴⁴.

В 1812 г. М.Т. Каченовский опубликовал небольшую подборку писем Башилова к Шлёцеру, доставленных в Москву сыном последнего: «Х.А. Шлецер, сын знаменитого геттингенского профессора, по благосклонности доставил мне шесть писем от Башилова к его родителю, — писал издатель. — Пользуясь этим благоприятным случаем, помещаю здесь три письма, как они были написаны, на латинском языке. Пусть пребудут они свидетельством истинной учёности и благонамеренного трудолюбия сего нашего соотечественника»⁴⁵. В письме от 12 октября 1767 г. Башилов сообщал, что ему было поручено Комиссией Академии наук (академическое учреждение, действовавшее в 1766–1803 гг., заменившее собой Канцелярию Академии наук) включиться в работу над Ипатьевским списком. Это поручение отмечено в письме цифрой «I», что, вероятно, свидетельствует о его первоочередной важности: «В числе прочего в Комиссии постановили: I. чтобы кодекс, присланный из Ипатьевского монастыря в Комиссию и выданный господину Поленову для описания, был мною просмотрен и все описанные листы при этом дословно сверены с оригиналом»⁴⁶.

Как следует из письма, первым с Ипатьевским списком работал Алексей Яковлевич Поленов (1738–1816), выпускник Петербургского Академического университета, учившийся затем в Страсбурге и Гёттингене. В 1767–1771 гг. он занимал должность переводчика Академии наук и вместе с Башиловым готовил к изданию вторую часть Никоновской летописи, Законы Юстиниана и др.⁴⁷ Из последующей переписки выясняется, что в задачу А.Я. Поленова входило не только описание (*ad describendum*) Ипатьевского кодекса, но и копирование его, очевидно, с целью подготовки рукописи к печати.

Известие о доставке в Петербург Ипатьевской летописи вызвало большой интерес со стороны Шлёцера, и в ответном письме он, надо полагать, просил Башилова дать более подробные сведения о рукописи. В результате возникло первое научное описание Ипатьевского списка. Полученные от Башилова новые сведения об Ипатьевском кодексе оказались настолько важными, что Шлёцер незамедлительно сообщил об этом в печати. В изданном в 1768 г. И.Х. Гаттерером (1727–1799) в Гёттингене шестом томе «Всеобщей исторической библиотеки» (*Allgemeine Historische Bibliothek*) опубликована небольшая заметка под названием «Выдержка из одного сообщения из С.-Петербурга от 16(27) декабря 1767 г.». В редакторском предисловии к ней пояснялось, что речь идёт о доставке в Петербург «очень ценного кодекса Анналов, самого старого после Радзивиловского»⁴⁸,

⁴⁴ *Штрэнге М.М.* Историк и археограф XVIII в. Семён Башилов // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 352–358; *Моисеева Г.Н.* Башилов Семён Сергеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 72–73.

⁴⁵ [Каченовский М.Т.] Указ. соч. С. 314.

⁴⁶ Там же. С. 315.

⁴⁷ См.: *Шугуров М.* Учёные и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А.Я. Поленова) // Русский архив. 1866. Т. 5. Стб. 304–324; *Шмурло Е.* Поленов Алексей Яковлевич // Русский биографический словарь. Т. 14. СПб., 1905. С. 467–470; *Степанов В.П.* Поленов Алексей Яковлевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 456–457.

⁴⁸ В действительности Ипатьевский список (первая четверть XV в.) древнее Радзивиловского списка (конец XV в.).

о котором ранее Академия наук имела некоторые сведения; он кажется должен быть из XIII века. О нём и о других новостях русской литературы г-н Башилов написал следующее предварительное сообщение для г-на проф. Шлёцера»⁴⁹.

Приведу текст сообщения Башилова вместе с редакторскими пояснениями Гаттерера и комментариями к нему Шлёцера в моём переводе с латинского и немецкого языков (редакторские пояснения в виде вставок в основной текст документа приводятся в круглых скобках, в квадратных скобках даны комментарии Шлёцера):

«Мои наблюдения в отношении Ипатьевского кодекса (так он (Башилов. — А.М.) называет этот новооткрытый кодекс) в настоящий момент таковы:

1. Размер и внешний вид не очень отличаются от Воскресенского⁵⁰ (см. соответствующий том данной Всеобщей исторической библиотеки, стр. 71 слл.)⁵¹.

2. Начинается он совершенно так же, как все кодексы Нестора, и доходит до 6800 года (т.е. 1292 от Р.Х.). На предпоследнем его листе упомянут Болеслав Сомовитович, такими словами: Год 6898⁵². После Лестька в Кракове сел Болеслав Сомовитович, брат Кондрата; и пришел Индрих, князь Вроцлавский, и выгнал его. На остальных листах в конце речь идёт о делах литовских и татарских, и там упоминается некий Куремса, татарский князь⁵³. [Таким образом, эти последние листы не относятся к самому кодексу]⁵⁴.

3. Он написан на обычной бумаге в два столбца, подобно Патриаршему кодексу⁵⁵.

4. С начала примерно до середины он совпадает с Радзивилловским⁵⁶.

5. В нём различаются два почерка⁵⁷. В начале и в конце почерк одинаковый и несколько походит на почерк Новгородского кодекса⁵⁸; однако этот последний гораздо безыскуснее и труднее для чтения. В середине кодекса почерк

⁴⁹ Auszug eines Schreibens aus St. Petersburg, vom 16/27 Decbr. 1767 // Allgemeine Historische Bibliothek. 1768. Bd. VI. S. 303.

⁵⁰ Алатырский список Воскресенской летописи, вторая половина XVI в., с добавлениями XVII и середины XVIII вв. (ОР БАН, Основное собрание, 16.3.1). Рукопись принадлежала В.Н. Татищеву, поступила в Библиотеку Академии наук в конце 1730-х гг. (ОРО. С. 335–337).

⁵¹ Имеется в виду рецензия на первую часть Никоновской летописи, изданную Санкт-Петербургской Академией наук в 1767 г. (Ruskaja Letopis' po Nikonovu spisku. Izdannaja pod smotreniem Imperatorskoj Akademii Nauk. Czast' pervaja do 1094 goda // Allgemeine Historische Bibliothek. 1768. Bd. V. S. 71–93).

⁵² В действительности приведённые далее известия помещены в статье 6798 г. Цифра, обозначающая число сотен в заголовке статьи, прочитана Башиловым неверно.

⁵³ Татарский военачальник Куремса (Куремеса, Куремьса) упоминается на л. 271, 277 об., 280, 280 об., 282; летописный текст в рукописи заканчивается на л. 307 об.

⁵⁴ Эта ремарка, по-видимому, принадлежит А.Л. Шлёцеру. Незнакомый с Ипатьевской летописью, историк, очевидно, счёл, что известия о литовцах и татарах попали в неё из какой-то другой рукописи.

⁵⁵ Академический список Никоновской летописи, третья четверть XVI в. (ОР БАН, Основное собр., 32.14.8). Рукопись поступила в Библиотеку Академии наук в составе собрания Феофана Прокоповича в 1741 г. (ОРО. С. 344–350).

⁵⁶ Радзивилловский список Радзивилловской летописи, конец XV в. (ОР БАН, Основное собрание, 34.5.30). Рукопись вывезена из Кёнигсберга и поступила в Библиотеку Академии наук в 1761 г. (ОРО. С. 293–295).

⁵⁷ В дальнейшем исследователи установили, что над рукописью трудились несколько переписчиков. В основной части рукописи, писанной в два столбца, А.А. Шахматов различал четыре почерка (*Шахматов А.А.* Предисловие. С. VI–VII), а Б.М. Клосс — пять (*Клосс Б.М.* Указ. соч. С. F).

⁵⁸ Академический список Новгородской первой летописи, середина XV в. (ОР БАН, Основное собр. 17.8.36). Рукопись принадлежала В.Н. Татищеву, поступила в Библиотеку Академии наук в 1737 г. (ОРО. С. 310–311).

совершенно иной: он начинается с 6622 года (1014 от Р.Х.) и кончается на 6680 (1172 от Р.Х.); он более всего походит на почерк церковных пергаменных кодексов, в первую очередь того, который, как утверждается, написан в 1298 г.⁵⁹ Разница только в том, что почерк нашего кодекса более безыскусен, а потому кажется более древним. Представляется, что оба почерка были в ходу в одно и то же время: они соединяются друг с другом таким образом, что между ними нет ни одной пустой строки.

6. Начало каждого года и подраздела выделено красными чернилами.

7. Для первого почерка этого кодекса свойственно весьма частое использование составных букв, например, је, ји и др. (сами знаки мы отобразить не можем) и особенно малый ер вместо е и большого ера, а также буква и вместо ипсилона.

8. Началу истории предшествует каталог князей Руси, доведенный до взятия Киева Батыем (около 1240 г.).

9. Озаглавлена книга так: Летописец русский; начнем с Богом; Отче, благовости! (до сих пор красными буквами) Повесть временных лет и проч.

10. На первом чистом листе кодекса имеется надпись курсивным, не очень древним почерком: Летописец Киевский. На той же странице упоминаются два владельца кодекса: I. Книга слуги Ипатьевского монастыря Тихона Мижуева. II. Книга монаха Ипатьевского монастыря Тарасия. Но мне представляется, что это один и тот же владелец, который, поменяв имя по принятии монашеской жизни, сохранил, как это принято у монахов, начальную букву прежнего имени — Т.

11. Весь этот кодекс пересмотрен и исправлен рукой почти столь же древней, как и та, которой он был написан. Имеются 40 страниц, переписанных с этого списка Поленовым (господин Поленов — помощник господина Башилова в предпринятом под руководством господина профессора Шлёцера издании русских летописей); все они были сверены и исправлены мной».

В публикации М.Т. Каченовского по оригиналу, полученному от Х.А. Шлёцера, цитаты из летописи приведены на древнерусском языке кириллицей с использованием буквенных обозначений чисел. В несколько иной редакции здесь приведён 7-й пункт описания рукописи: «Для первого почерка этого кодекса свойственно весьма частое использование составных букв (в рукописи поставлены в скобках слитные буквы: ИЕ, ПР, ТИ, ТГ, ЯК, — *примеч. издателя.* — А.М.) и особенно буквы Ъ вместо Е и Ъ, а также буквы У вместо V (например, Егупеть вместо Егѡпетъ)»⁶⁰.

Из публикации полного текста письма Башилова от 16(27) декабря 1767 г. следует, что Шлёцер, чрезвычайно заинтересовавшийся Ипатьевским кодексом,

⁵⁹ Возможно, здесь имеется в виду пергаменная рукопись, содержащая Минею служебную на апрель, из собрания Библиотеки Академии наук (34.7.5), датированная в выходной записи 6906 (1398) г.; рукопись поступила в библиотеку в 1763 г. (Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР / Сост. Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачёва, В.Ф. Покровская. Л., 1976. С. 105–106; *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплётчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 387–388; *Мошкова Л.В., Турилов А.А.* «Плоды ливанского кедра». М., 2003. С. 72–73). Цифра, обозначающая число сотен в выходной записи, написана через «юс малый», что у исследователей второй половины XVIII в. могло порождать неверные интерпретации. Благодарю Д.М. Буланина и А.А. Турилова за консультацию по данному вопросу.

⁶⁰ «In primo caractere hujus cod. litterarum compositarum praecipue autem litterae Ъ loco E et Ъ, item litterae У loco V (e.g. Егупеть pro Егѡпетъ) frequentissimus est usus» ([*Каченовский М.Т.*] Указ. соч. С. 319).

не видел рукописи своими глазами. Очевидно, он специально просил Башилова дать более полные сведения о рукописи, на что последний ответил: «Об Ипатьевском кодексе я написал коротко (в письме от 12 октября. — *А.М.*), поскольку думал, что Вы его видели»⁶¹. Спустя три с половиной десятилетия Шлёцер, перечисляя известные ему списки летописи Нестора, под номером «II» привел описание Ипатьевского кодекса: «Ипатьевский, в лист, фрактура, идёт до 1292 г.; аналог (*Seitenstück*) вышеназванного Радз[ивиловского] (описан под номером I. — *А.М.*), с которым он заметно совпадает. Этот кодекс (Ипатьевский. — *А.М.*) попал в Академию после меня (т.е. после отъезда Шлёцера из России. — *А.М.*). Тот самый Башилов послал мне искусно выполненную копию (*Abschrift*) его от начала до смерти Рюрика, вместе с описанием этого старого важного кодекса, которое я напечатал во Всеобщ. ист. Библ. Гаттерера. Т. VI. С. 304»⁶².

В приведённых свидетельствах, очевидно, речь идёт о двух разных копиях с Ипатьевского списка, снятых вскоре после поступления рукописи в Академию наук. Башилов сообщает о сверенной и исправленной им копии сорока страниц летописи, выполненной Поленовым. Шлёцер говорит о полученной им от Башилова искусной копии первых девяти листов рукописи с известиями до смерти Рюрика (последнее в Ипатьевском списке помещено на л. 9 об.). Шлёцер приложил немало усилий, чтобы получить указанную копию с Ипатьевского кодекса. Уже в 1768 г. учёный планировал к изданию первую часть своего многотомного труда о русских летописях, которая должна была охватывать период до смерти Рюрика. Он не мог закончить эту работу без получения точной копии соответствующих листов Ипатьевского списка.

В личном архиве академика Якоба Штелина, в 1765—1769 гг. занимавшего пост конференц-секретаря и фактически возглавлявшего Академическую конференцию (или Учёное собрание академиков) — высший научный орган Петербургской Академии наук с момента её основания, — сохранилось несколько писем Шлёцера с настойчивыми просьбами ускорить копирование для него Ипатьевского кодекса. В одном из них, отправленном из Гёттингена, вероятнее всего, в июле 1768 г.⁶³, читаем: «Я неописуемо удивлён почти полугодовым молчанием г. Башилова. Я бы поклялся Юпитеровым камнем, что никогда не совершал (?) ничего такого (вероятно, ничего предосудительного по отношению к Башилову. — *А.М.*)»⁶⁴;

⁶¹ «De codice Hypatico ideo abrupte scripsi, quia te eum vidisse credidi» ([*Каченовский М.Т.*] Указ. соч. С. 318).

⁶² *Schlözer A.L.* Nestor. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache. Zweiter Teil. Göttingen, 1802. С. II. В русском переводе Д.И. Языкова: «II. Ипатьевский, в лист, писан уставом, простирается до 1292 г., удивительно сходен с Радз[ивиловским]. Сей список доставлен в Академию уже после меня, но покойный Башилов прислал мне верный противень с оною, с начала до Руриковой смерти, и с описанием сего древнего важного списка, напечатанном мною в Гаттереровой Allgem. Histor. Bibl. VI. 304». (*Шлёцер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке. Ч. I. СПб., 1809. С. II).

⁶³ В оригинале не указаны дата и место отправления письма. Л. Рихтер и Л. Цайль ошибочно датировали его июлем 1767 г., когда Шлёцер ещё находился в Петербурге (*August Ludwig von Schlözer und Russland / Eingeleitet und unter Mitarbeit L. Richter und L. Zeil; Hrsg. E. Winter. Berlin, 1961 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, 9). Nr. 58. S. 187*). Однако в это время, как будет показано ниже, в Академии наук ещё не знали об обнаружении Ипатьевского списка. Из содержания письма следует, что оно было отправлено через полгода после получения Шлёцером цитированного выше письма Башилова от 16(27) декабря 1767 г.

⁶⁴ В этом месте текст в рукописи испорчен: очевидно, вместо «*commissarum*» следует читать «*commissatum*».

тем более что я до сих пор охотно ему содействовал и публично хвалил в напечатанных книгах. Между тем, пока я ещё не знаю достоверно всех обстоятельств, настоятельно прошу Вас, славный муж, добиться от него, чтобы он как можно скорее — ибо издатель торопит — переписал начало Ипатьевского списка вплоть до смерти Рюрика, собственноручно, дословно и с такой добросовестностью и критической тщательностью, чтобы я мог спокойно представить его ученой публике и, не подвергаясь подозрению в ошибке, сослаться на него, упомянув имя Башилова, так же, как если бы имел в руках сам список. Ведь я уже готов сдать в печать первую книгу Русских летописей с переводом и весьма обширным критическим и историческим комментарием. Не отнеситесь, многуважаемый благодетель, с пренебрежением к этой моей просьбе, ведь тем Вы проявите пренебрежение не столько ко мне, сколько к русской истории, которой Вы, как я знаю, удивительно благоволите. Посему торопите его, настаивайте, уговаривайте, и, как только у Вас будет в руках этот Ипатьевский отрывок, позаботьтесь о том, чтобы, не медля ни дня, доставить его мне по почте»⁶⁵.

В ответном письме Штелин, по-видимому, пояснил, что Башилов по поручению Академии занят подготовкой к печати второй части Никоновской летописи и поэтому не может заниматься другими делами. Тем не менее Шлёцер продолжал забрасывать Штелина просьбами ускорить копирование Ипатьевской летописи. В письме от 20(31) августа 1768 г. читаем: «Запрашиваемой копии Ипатьевского кодекса я жду каждый почтовый день»⁶⁶.

Наконец, рукопись была доставлена в Гёттинген, и 26 августа (7 сентября) Шлёцер отправил Штелину восторженное письмо, в котором давал самую высокую оценку скорости и качеству изготовленной копии, а также мастерству Башилова как переписчика: «Копия Ипатьевского кодекса так скоро! Небо, почему я не имею несколько таких господ коллег, которые столь же приятно поддерживали бы меня в моём трудолюбии! Тем самым меня можно было бы сделать рабом, я бы скарифицировал себя для моей академии и её славы! Другую радость доставила мне точность копии, которую я также рассмотрел через мой критический микроскоп: воистину это шедевр! О, если бы Россия имела ещё шесть таких Башиловых, не глубоких учёных, не обученных историков, но только таких честных, аккуратных, добросовестных Башиловых!»⁶⁷.

⁶⁵ «Dici non potest, quantum D. Bašilovii semestre fere silentium mirer. Iovem lapidem iurasset, se nihil tale unquam commissarum esse; praesertim cum tam studiosus adhuc fuerim eius ornandi ac publice in impressis libris laudandi. Interim dum certius rem omnem cognovero, summopere abs Te peto, vir illustri, hoc ut ab ipso impetres, ut quam potest fieri citissime, quandoquidem Bibliopola urget, initium Codicis Hypatici usque ad mortem *Burici*, sua manu verbotenus eaque fide ac critica religione describat, ut confidenter illud publico litterario proponere, atque sine ulla suspitione falsi ad illum, commemorato nomine Bašiloviano, provocare queam, ac si ipsum codicem haberem prae manibus. Iam enim in eo sum, ut librum l. annalium Russicorum cum versione uberrimoque commentario et critico et historico imprimendum dem. Noli mihi deesse, fautor aestumatissime, in hac petitione, non tam mihi enim, quam historiae Russicae deesses, cui Te mirifice favere novi. Urge igitur, insta, more [!] et ut primum copiam habes istius segmenti Hypatici, cura ne quis dies intercidat, quin quam citissime per postam ad me perferatur» (ОР РНБ, ф. 871, д. 751, л. 33—33 об.).

⁶⁶ «Auf die erbetene Kopie vom Codice Hypatico warte ich jeden Posttag» (Там же, л. 18 об.).

⁶⁷ «Die Kopie von dem Codex Hypaticus so geschwinde! Himmel, warum habe ich doch nicht mehrere solche Herren Kollegen, die mich in meinem Arbeitsmut ebenso gefällig unterstützen! Zum Sklaven könnte man mich dadurch machen, sakrifizieren würde ich mich für meine Akademie und ihre Ehre! Eine andre Freude machte mir die Akkuratesse der Kopie, die ich gleich durch mein kritisches Microscopium erblickte: Wahrlich, es ist ein Meisterstück! O hätte Rußland noch sechs solche Bašilovs, keine tiefe Gelehrte, keine ausgelehrte Historicos, sondern nur solche ehrliche akkurate gewissenhafte Bašilovs!» (Там же, л. 19).

Начатые в августе 1767 г. работы по копированию Ипатьевского кодекса почти сразу же были прекращены. Основная причина остановки работ, очевидно, состояла в получении Башиловым и Поленовым от Академии наук нового, более важного и трудоёмкого задания, отодвинувшего исполнение предыдущего поручения на длительный срок. Из написанного Башиловым 30 сентября 1768 г. предисловия ко второй части Никоновской летописи явствует, что «по отъезде г. профессора Шлёцера императорская Академия наук продолжение сего издания возложила на меня и на г. переводчика Алексея Поленова... Печатание производилось с копии, которую я сам писал своею рукою. Всякой печатной лист правлен был не меньше четырёх раз, и сношен от слова до слова и от буквы до буквы с подлинником, и каждым из нас особливо, и обоими совокупно»⁶⁸.

Сразу после завершения этой работы копирование Ипатьевской летописи было возобновлено и велось с большой интенсивностью. Вслед за отправкой в Гёттинген копии первых девяти листов древнего оригинала Башилов сообщил Шлёцеру в письме от 23 сентября 1768 г., что работа над Ипатьевским кодексом продолжается, и, хотя подготовка к печати второй части Никоновской летописи будет полностью завершена только через неделю, они с Поленовым «в Ипатьевском списке дошли до 60-го листа» (in codice Nypatico ad 60 plagulas pervenimus)⁶⁹. Вскоре в работе над летописью принял участие ещё один ученик Шлёцера. 19 октября 1768 г. после трёх лет обучения в Гёттингенском университете в Петербург вернулся Василий Прокофьевич Светов (1744–1785), впоследствии известный языковед и переводчик. Как явствует из составленного им через несколько лет прошения в Академическую комиссию, сразу по возвращении на родину молодому учёному было поручено производить разбор и переписывание «Несторова летописца Ипатьевского монастыря»⁷⁰. Однако эта деятельность продолжалась недолго: уже 23 марта 1769 г. Светов был переведён на унизительную для него должность учителя русского языка в младших классах Академической гимназии⁷¹. Отстранёнными от работы над Ипатьевской летописью оказались также Башилов и Поленов. Академическая карьера учеников Шлёцера всецело зависела от взаимоотношений с Петербургской Академией наук их учителя и, в частности, от успешного продвижения предложенного последним проекта по изданию русских летописей.

Ещё в мае–июне 1764 г. молодой адъютант Шлёцер представил в Академию состоящую из 17 пунктов программу изучения русской истории, в которой особое внимание уделялось собиранию, изучению и публикации сохранившихся списков русских летописей⁷². Это была уже вторая попытка приступить к систематическому изданию летописей в Академии наук после потерпевшего неудачу в середине 1730-х гг. подобного проекта, инициированного Г.Ф. Миллером⁷³. Несмотря на противодействие М.В. Ломоносова и некоторых других членов Академии, программа Шлёцера была доведена до сведения и получила одобрение

⁶⁸ Русская летопись по Никонову списку / Изд. под смотрением Императорской Академии наук. Часть вторая: до 1237 года. СПб., 1768. Л. 2–2 об.

⁶⁹ [Каченовский М.Т.] Указ. соч. С. 323.

⁷⁰ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 9, д. 1024, л. 1.

⁷¹ Степанов В.П. Светов Василий Прокофьевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 97.

⁷² СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 77, д. 23, л. 1–7 об.; ф. 4, оп. 1, д. 556, л. 39–40 об.

⁷³ Майоров А.В. Проект первого издания русских летописей и возникновение «Летописца Сенатской Архивы» // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 168–172.

Екатерины II, 3 января 1765 г. последовал высочайший указ о его назначении ординарным профессором истории, и 5 января Шлёцер заключил с Академией наук контракт сроком на пять лет⁷⁴. В июне того же года он получил отпуск и выехал в Гёттинген для организации обучения русских студентов в местном университете, выполняя также другие поручения Академии и продолжая свои занятия по русской истории. Осенью 1766 г. учёный возвратился в Петербург и вскоре подал прошение о новом отпуске, утверждая, что в Гёттингене созданы наиболее благоприятные условия для успешных занятий русской историей⁷⁵.

В период своего последнего пребывания в России Шлёцер предложил Академии начать планируемое им издание русских летописей с Никоновской летописи и изложил свои принципы критического издания летописного текста (февраль 1767 г.)⁷⁶. Тогда же Шлёцер принял решение привлечь к работе Башилова, неудовлетворённого своим весьма скромным положением в Академии. Видимо, по совету своего наставника Башилов обратился в Академическую комиссию: «Ныне... унижен я до корректорской должности, в которой все мои прежде приложенные к наукам труды сделались бесполезными», и просил возложить на него «труды хотя и тягостнейшие, но соответствующие моему желанию»⁷⁷. В ответ 20 марта 1767 г. Академическая комиссия определила: «По представлению господина Шлёцера и по прошению переводчика Башилова отослать оного Башилова к господину профессору Шлёцеру, с тем чтобы господин профессор ещё до отъезда своего переводчику Башилову не только довольное дал наставление, каким образом поступать ему при издании Никоновского летописца и других, по мнению его, достойных издания сочинений, но и самым делом начал ещё в бытность свою издание оного летописца. А переводчика Башилова от положенной на него корректорской должности уволить»⁷⁸. Дождавшись тиража первой части летописи, Шлёцер 1 сентября отправился в очередной отпуск в Германию, по-видимому, с намерением более не возвращаться в Россию.

После нескольких безуспешных попыток призвать учёного вернуться в Петербург⁷⁹ новый конференц-секретарь Академии Иоганн Альбрехт Эйлер (25 февраля 1769 г. сменивший на этом посту Штелина) предупредил Шлёцера в письме от 27 марта (7 апреля), что в виду его отказа вернуться в Россию контракт с ним не будет продлён⁸⁰, а 10(21) апреля официально уведомил его об отставке с 1 янва-

⁷⁴ См.: *Биларский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 733–734. См. также: *Черепнин Л.В.* А.Л. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки // *Международные связи России в XVII–XVIII вв.: (Экономика, политика, культура)*. Сборник статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966. С. 199–200.

⁷⁵ *Осипов В.И.* Петербургская Академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII века. СПб., 1995. С. 67–68.

⁷⁶ СПбФ РАН, ф. 1, оп. 2–1767, д. 3, л. 3–6 об.

⁷⁷ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 304, л. 143.

⁷⁸ Там же, д. 537, л. 106.

⁷⁹ См. переписку по этому вопросу Штелина и Шлёцера в феврале 1769 г. (Учёная корреспонденция Академии наук XVIII века: 1766–1782) / Сост. И.И. Любименко; под ред. Г.А. Князева и Л.Б. Модзалевского. М.; Л., 1937. № 416. С. 115; August Ludwig von Schlözer und Russland. Nr. 95. S. 243–246).

⁸⁰ СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 54, л. 19–19 об. Вопрос об увольнении Шлёцера обсуждался на заседании Конференции Академии 23 марта, участники которого предлагали дать историку ещё несколько месяцев для работы в Гёттингене (Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год / Под ред. К.С. Веселовского. СПб., 1899. Т. 2: 1744–1770. С. 676–678).

ря 1770 г.⁸¹ Дальнейшие исследования Шлёцера по русской истории фактически были свёрнуты. В письме от 18(29) октября 1769 г. он жаловался Эйлеру на чинимые в России препятствия его научной работе⁸². Месяц спустя, в новом письме к Эйлеру Шлёцер дал пессимистическую оценку возможности напечатания Академией наук его критического издания русских летописей и фактически отказался от всех сделанных им ранее на этот счёт предложений⁸³.

Разрыв отношений со Шлёцером привёл к прекращению работ по изданию русских летописей. В результате был нанесён непоправимый ущерб и академической карьере Башилова. Уже весной 1769 г. он оказался не у дел и должен был заниматься исключительно переводами. Не желая мириться с таким положением, молодой историк подал прошение об отставке и был уволен из Академии в один день со Шлёцером — 1 января 1770 г.⁸⁴ Проработав ещё несколько месяцев на секретарских должностях в Комиссии о сочинении нового Уложения, а затем в четвёртом департаменте Сената, Башилов скончался 11 июля 1770 г. от туберкулёза⁸⁵. Пребывание в Академии наук Поленова также оказалось недолгим. Его скорая отставка, по всей видимости, была связана с враждебным отношением со стороны Штелина, полагавшего, что Академии не нужны учёные-юристы. В записной книжке Поленова сохранился недатированный черновик его письма к Козицкому (запись относится ко времени после возвращения Поленова в Петербург из Гёттингена), в котором читаем: «Вы удивитесь, что господин Штелин не устыдился в канцелярии при мне молодому Эйлеру сказать, что я совсем не годен при Академии, по причине, что у нас нет никаких тяжб; так как будто юриспруденция состояла в одной тяжбе»⁸⁶. Упомянутый здесь «молодой Эйлер» — старший сын академика Леонарда Эйлера Иоганн. Сменив Штелина на посту конференц-секретаря Академии Эйлер-Младший, по-видимому, унаследовал его негативное отношение к Поленову. Последнему пришлось довольствоваться скромной должностью переводчика и помощника Башилова в издании летописей и юридических документов. Приступив к подготовке к изданию Судебника Ивана Грозного, Поленов вскоре был отстранён от участия в нём и должен был заниматься исключительно переводами с иностранных языков⁸⁷. Неудовлетворённый своим положением, в апреле 1771 г. он подал прошение об отставке: «Дабы приложенный труд и время на мое учение совсем не пропали тщетно, то принял я намерение утруждать Академию наук покорнейшим моим прошением: чтобы мне дозволено было искать места в такой команде, где отправляются собственно до юриспруденции касающиеся дела»⁸⁸.

Несмотря на фактическую остановку работ по копированию, Ипатьевский список продолжительное время находился у назначенных Академической комиссией переписчиков. Видимо, поэтому ещё несколько лет после доставки в Петербург о рукописи не было известно в Библиотеке Академии наук. В 1768 г., после переезда Библиотеки в здание Кунсткамеры на Васильевском

⁸¹ СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 54, л. 38–38 об.

⁸² Там же, ф. 1, оп. 3, д. 53, л. 166–167 об.

⁸³ Там же, д. 57, л. 175–176 об.

⁸⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 322, л. 158.

⁸⁵ Штранге М.М. Указ. соч. С. 358.

⁸⁶ Цит. по: Поленов Д.В. А.Я. Поленов, русский законовед XVIII века // Русский архив. 1865. № 5–6. Стб. 729.

⁸⁷ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 306, л. 142, 145, 146, 263, 264.

⁸⁸ Там же, оп. 11, д. 270, л. 156.

острове был составлен новый систематический каталог русских книг в пяти томах, сохранившихся в Архиве Академии наук. Третий том каталога содержит сведения о 205 рукописных книгах по русской истории. Как видно из записей на титульных листах, по этому рукописному каталогу С.К. Котельников производил ревизию русских фондов Библиотеки в мае—июне 1770 г. Среди рукописных книг по русской истории, внесённых в каталог до указанного времени, Ипатьевской летописи не значилось⁸⁹.

Первое упоминание Ипатьевского кодекса в составе собрания Библиотеки Академии наук находим только в печатном каталоге И.Г. Бахмейстера. Здесь оно помещено среди общего перечня списков русских летописей: «Имеем мы другие летописи, которые отличаются особливыми именованиями, как то: (Codex Hepaticus) летопись Ипатская третьего-надесять века»⁹⁰. Русскому переводу предшествовали французское и немецкое издания каталога. Упоминание Ипатьевского кодекса содержится уже в первом, французском издании 1776 г., где оно снабжено ссылкой на приведённое выше описание рукописи, сделанное Башиловым и помещенное в шестом томе «Всеобщей исторической библиотеки» Гаттерера⁹¹. Можно предположить, что находившаяся несколько лет у Башилова и Поленова без дела, Ипатьевская летопись была передана в Библиотеку Академии наук только после увольнения из Академии последнего в апреле 1771 г.

К сожалению, несколько десятилетий после этого Ипатьевская летопись оставалась неизвестной и невостребованной исследователями. О привезённом вследствие поездки по Волге Ипатьевском кодексе забыла и Екатерина II, когда в конце 1782 г. (т.е. уже после смерти Козицкого и отставки Орлова) приступила к работе над своими «Записками касательно российской истории». В многотомном труде императрицы нет никаких следов использования Ипатьевской летописи⁹². С ней не были знакомы и московские профессора А.А. Барсов и Х.А. Чеботарёв, готовившие для Екатерины «Сведения о Российской империи с 1224 г., выписанные из разных летописцев» (рукопись 1783 г.)⁹³. Несмотря на усиленные поиски древнерусских летописей, которые Чеботарёв вёл вплоть до смерти императрицы, получая за это хорошее вознаграждение, Ипатьевская летопись так и осталась ему неизвестной. О ней, в частности, нет упоминания в составленной Чеботарёвым в 1788 г. «Описи летописцам»⁹⁴, из которых он делал выписки по истории России⁹⁵.

⁸⁹ Там же, ф. 158, оп. 1, д. 41.

⁹⁰ *Бахмейстер И.Г.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской императорской академии наук. [СПб.], 1779. С. 81.

⁹¹ *Bacmeister J.V.* Essai sur la bibliothèque et le cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des sciences de Saint-Petersbourg. SPb., 1776. P. 113.

⁹² Записки касательно российской истории. Ч. 1–7. СПб., 1787–1794. Академическое издание см.: Записки касательно российской истории // Сочинения императрицы Екатерины II / Под ред. А.Н. Пыпина. Т. 8–10. СПб., 1901; Т. 11. СПб., 1906.

⁹³ ОР РНБ, ф. 885, д. 319; *Гаврилова Л.М.* Источники «Записок касательно российской истории» Екатерины II // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 20. Л., 1989. С. 164–175.

⁹⁴ ОР БАН, Основное собрание, 26.5.31; *Срезневский В.И.* Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Императорской Академии наук в 1902 г. // Известия Императорской Академии наук. 1903. Т. 19. № 1. С. 40–42.

⁹⁵ См.: *Муравьёва Л.Л.* Рукописи сочинения по истории России профессоров Московского университета А.А. Барсова и Х.А. Чеботарёва // Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983. С. 121–133.

Некоторое исключение, как кажется, составляет выдающийся чешский славист Йозеф Добровский, занимавшийся в Библиотеке Петербургской Академии наук с 15 августа по 15 октября 1792 г. и видевший Ипатьевскую летопись в числе других летописных памятников. Об этом сохранилось его прямое свидетельство в заметках к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: «*Irat. academiĉn. codex Vombicina, ut vidi etc.*» (Ипатьевский академический кодекс. Бумага, как я видел, и т.д.)⁹⁶.

Забвению Ипатьевского списка, очевидно, способствовал также тот факт, что рукопись не была внесена в составленный около 1790 г. новый 34-томный систематический каталог русских и иностранных книг Библиотеки Академии наук, впоследствии дополненный ещё пятью томами⁹⁷. Правда, этот каталог практически не учитывал собрание рукописных книг и некоторых других фондов. Тем не менее вплоть до 1835 г. он оставался основным рабочим каталогом библиотеки⁹⁸. Такое положение объясняет отсутствие сведений об Ипатьевской летописи у Н.М. Карамзина, когда он осенью 1803 г. приступил к написанию «Истории государства Российского»⁹⁹.

Итак, созданный, вероятно всего, в Новгороде в первой четверти XV в. список южнорусской летописи в конце этого же столетия мог попасть в Кострому вследствие переселения сюда его первых, неизвестных нам владельцев, подвергшихся гонениям после присоединения Новгорода к Москве. Столетие спустя кодекс оказался в Ипатьевском монастыре, где он, можно думать, принадлежал умершему в 1592 г. иноку Тарасию, чьё имя значится среди владельческих записей на первом листе кодекса, и которого, следовательно, нельзя отождествлять с монастырским слугой Тихоном Андреевичем Мижуевым, жившим во второй половине XVII в. В Ипатьевском монастыре кодекс находился до лета 1767 г. Во второй половине июля — первой половине августа рукопись была доставлена в Москву во исполнение высочайшего повеления, отданного императрицей Екатериной II во время посещения Ипатьевского монастыря 15 мая. По распоряжению секретаря императрицы Г.В. Козицкого 20 августа рукопись была доставлена в Санкт-Петербург в Императорскую Академию наук и передана для снятия копии переводчикам А.Я. Поленову и С.С. Башилову. Последний уведомил о новой летописи А.Л. Шлёцера и сделал первое научное описание рукописи на латинском языке, а также копию её первых листов. Шлёцер высоко оценил значение Ипатьевской летописи как важнейшей из всех ему известных. Начатая Академией наук работа по подготовке летописи к публикации была прервана в связи с увольнением Шлёцера 1 января 1770 г. и последовавшим затем увольнением его учеников Башилова и Поленова. На несколько десятилетий Ипатьевская летопись оказалась забытой и даже не была учтена в рабочих каталогах академической библиотеки (1768–1770 и около 1790 г.). В сочинениях русских историков второй половины XVIII — начала XIX в., в том числе в «Записках касательно российской истории» Екатерины II, нет следов использования этого памятника.

⁹⁶ См.: *Моисеева Г.Н., Крбец М.М.* Йозеф Добровский и Россия: Памятники русской культуры XI–XVIII вв. в изучении чешского слависта. Л., 1990. С. 51.

⁹⁷ СПбФ АРАН, ф. 158, оп. 1, д. 102, 104–135, 137.

⁹⁸ *Луннов С.П.* Указ. соч. С. 152–154.

⁹⁹ *Майоров А.В.* Открытие Н.М. Карамзиным Ипатьевской летописи // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 3–18.